

УДК 81.42

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

А. В. Орехов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
orxoff88@mail.ru*

Рассматривается проблема диалогичности между коммуникантом и адресатом в публицистическом дискурсе, а также особенности трансформации прецедентных феноменов и их проявление в современной публицистике. Анализируются способы актуализации категории диалогичности публицистического текста и типов трансформации прецедентных феноменов.

Ключевые слова: интертекстуальность, публицистический дискурс, трансформация, прецедентный феномен, диалогизация.

Введение

В современной жизни, в эпоху глобализации, человек невольно или вынужденно подвергается влиянию средств массовой информации, поэтому вполне закономерно, что в обществе им отведена важная роль. Как известно, в задачи средств массовой информации входят: информирование, просвещение, развлечение, реклама товаров и услуг. Благодаря СМИ осуществляется интерпретация явлений и событий, происходящих в стране или мире. Одной из важных особенностей передачи информации посредством телевидения или печатных изданий является тот факт, что они апеллируют к исторической памяти и языковому сознанию личности – так называемым *прецедентным текстам*, составляющим корпус *прецедентных феноменов* в современной массовой коммуникации и складывающимся в целые концепты. По мнению Ю. Н. Караулова, мы живем в мире разнообразных по жанру, содержанию и тематике текстов, а чтобы предельно четко, доступно и ярко донести определенную информацию, человек ищет соответствующие языковые средства (афоризмы, цитаты, аллюзии, метафоры), которые позволят лаконично и эмоционально воздействовать на читателя [1, с. 216]. Подобные средства и называются в лингвистической науке прецедентными.

Основная часть

В современных СМИ на текущий момент наблюдается стремление к усилению информативности, коммуникативной общезначимости, общедоступности. Для осуществления этой задачи необходимо, чтобы тексты СМИ были доступны массовой аудитории, т. е. максимально приближены к ее речи.

Таким образом, одним из основных свойств средств массовой информации при передаче материала является публичность, заключающаяся в том, что передаваемое содержание в процессе массовой коммуникации становится доступным всем членам общества. Для этого в языке существует широкий, разнообразный арсенал лексико-фразеологических единиц, в содержание которых входит экспрессивность, эмотивность и оценочность.

Современные СМИ тесно связаны с разговорной речью, что обусловлено их ориентацией на среднестатистического реципиента. По этой причине в газетном тексте используются языковые конструкции культурной информации, которые побуждали бы к размышлению, активизации знаний реципиента, так как современная газетная коммуникация ставит своей целью не только информировать читателя, но и формировать у него определенные представления о предмете, явлении или событии. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что газеты являются самой массовой читаемой продукцией, а в современном публицистическом дискурсе используются прецедентные тексты, которые несут в себе культурные, исторические, этнические и научные знания о мире.

Под влиянием различных экстралингвистических факторов в публицистическом дискурсе в последние годы происходят процессы, существенно трансформирующие его

вид. Значительно усиливается роль информативной функции: перед автором текста стоит задача достижения максимальной перцепции адресатом подаваемого материала, а также усиления его воздействия. Из этого следует, что коммуникант должен выбрать стержневые лексические единицы и синтаксические конструкции, способные максимально актуализировать семантику текста. В результате между коммуникантом и адресатом должны возникнуть особые – диалогические – отношения. Установлено, что сущность публицистического текста состоит в его диалогичности – по той причине, что он является отражателем большого количества ситуаций, оценок, мнений, позиций, имеющих в обществе. При этом задача журналиста состоит в том, чтобы наиболее экспрессивно в языковом плане отреагировать на них посредством использования разных языковых приемов. Диалог между журналистом и читателем создается в том случае, когда происходит восприятие передаваемой информации, ее осмысление и интерпретация: зачастую автор выражает свой взгляд на ситуацию и сопровождает текст своими оценками, которые, несомненно, влияют на читателя. У него (читателя) формируется своя позиция относительно прочитанного; он может соглашаться с автором или, наоборот, опровергать его точку зрения. Таким образом, диалогичность является доминирующей коммуникативной формой, реализующейся в СМИ.

Диалогичность – это выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения. Это фундаментальное для газетных текстов свойство, помимо аспекта адресованности, включает аспект ответственности и присуще как диалогическим текстам (типа интервью) и межтекстовым единствам (в виде диалога текстов), так и внешне монологическим публикациям (в виде внутримнологической диалогичности). Последняя представлена не только способами и средствами, как бы заимствованными из устного диалога, но и средствами, специально для этого выработанными в письменной речи. Специфика выражения диалогичности в газетно-публицистических текстах определяется системой экстралингвистических факторов – гносеологических, социальных, идеологических [2, с. 58]. Без актуализации категории диалогичности публицистического текста не были бы реализованы основные задачи средств массовой информации: функция ориентирования читателя в окружающей его действительности и убеждающе-воздействующая функция.

Изучив публицистические тексты в газете «Аргументы и факты», мы выявили следующие способы актуализации категории диалогичности публицистического текста:

- большое количество вставных конструкций, содержащих важные сведения и, благодаря большому смысловому весу, выполняющих акцентирующую функцию. Кроме того, вставки в тексте обычно выделены курсивом, поэтому сильнее привлекают внимание читателя;
- частотным и ярким выразителем категории диалогизации в текстах «Аргументов и фактов» является риторический вопрос. Сущность риторического вопроса заключается в акцентировании внимания читателя на предложенной теме, в приглашении к размышлению. Как правило, сама форма вопроса уже содержит в себе отношение пишущего к рассматриваемому конфликту. Сюда также можно отнести тенденцию к выстраиванию предложений с вопросительной модальностью. Характерно, что вопрос в таких предложениях уже подразумевает под собой утверждение и эксплицитно выраженную позицию коммуниканта, а само повествование приобретает такую характеристику, как динамизм;
- активное восприятие материала актуализируется автором путем широкого использования вопросно-ответных фигур;
- опора на мнение «третьего лица». Сопоставляя свои умозаключения и чужие, автор подчеркивает объективность своей позиции, используя при этом ссылки, вводные конструкции, цитаты из выступлений компетентных лиц, известных личностей, государственных деятелей.

Здесь можно также говорить и о побуждении читателя к каким-либо ментальным или даже физическим действиям. Нередки случаи, когда журналист дополняет известную всем цитату, выделяя тем самым ключевые контекстуальные моменты повествования, направляющие мысль читающего. Трансформирование цитат является одним из наиболее эффективных способов диалогизации в публицистическом дискурсе. Рассмотрим подробнее процесс трансформации прецедентных феноменов на примерах, взятых из публицистики.

Обратимся к формальным способам включения прецедентного текста в новый текст. Чаще всего, в таком случае мы имеем дело с явлением трансформации прецедентных феноменов. Трансформирование цитат придает стандартным речевым формулам большую экспрессию и дает возможность рождения нового, а иногда и целого «пучка» смыслов, а такие единицы реализуют диалогичность публицистического текста, в котором они наличествуют. Кроме того, они нередко эксплицитно или имплицитно выражают оценку. Существует многообразие классификаций изменения исходного текста, но мы будем пользоваться типологией Д. Б. Гудкова, предлагающего выделять следующие типы трансформации прецедентных феноменов [3, с. 209], которые подтверждаются и нашими примерами.

1. Замещение компонентов (лексическая субституция) – один из самых распространенных способов видоизменения прецедентных феноменов. Замещающее слово, как правило, совпадает с замещаемым по своим морфологическим характеристикам и синтаксической позиции, а также принимает на себя смысловую нагрузку:

– «*субъект – это звучит гордо*» (вместо исходного «*человек – это звучит гордо*») (АиФ, 2010, № 4) – в известной горьковской цитате из пьесы «На дне» существительное *человек* замещается существительным *субъект*, что может вызвать комический эффект, так как лексема *субъект*, в соответствии со словарными толкованиями, может определяться, с одной стороны, как слово официально-делового стиля, а с другой, как разговорного, где имеет оттенок пренебрежительности;

– «*игорный бизнес живет всех живых?*» (вместо исходного «*Ленин и теперь живет всех живых*») (АиФ, 2010, № 52) – во фрагменте из поэмы В. В. Маяковского, который многие годы звучал как заповедь, имя собственное *Ленин* заменено словосочетанием «*игорный бизнес*», что казалось невозможным несколько десятилетий назад. Читатель может предположить, что идол, каким был Ленин в годы советской власти, заменен другим идолом (игорным бизнесом). Важно также изменение утвердительной модальности на вопросительную, что предполагает постановку проблемы, требующей решения.

Иногда трансформация настолько существенна, что от исходного варианта остается лишь одно слово, но сохраняется синтаксическая структура, как в следующих двух примерах:

– «*бей тублей, галстук жуй!*» (АиФ, 2010, № 41) – в исходном тексте знаменитого двустишия В. В. Маяковского «*Ешь ананасы, рябчиков жуй!*» замещены все компоненты, кроме последней лексемы «*жуй*». Восстанавливая в своем сознании ритмический строй исходного двустишия, одновременно с этой незамещенной лексемой и сохраненной автором иллокутивной модальностью побуждения, адресат может легко распознать, о каком именно прецедентном тексте идет речь. Характерно, что оригинальный текст цитируется как шутливо-ироническая угроза в чей-либо адрес. В трансформированном же виде рассматриваемая цитата была употреблена автором в качестве заголовка к газетной статье, которая освещала поступки политиков, выходящие за рамки протокола и, таким образом, приобрела комический оттенок. Анализируемая нами цитата трансформирована также еще по одному типу, о чем будет сказано ниже.

– «*Ударим черемухой по глобальному потеплению*» – трансформированное крылатое выражение из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова «*Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству*». Статья повествует о связи холодной погоды с цветением черемухи и о том, как долго еще продержатся холода в России;

– «*ГОС в помощь*» (АиФ, 2010, № 41) – трансформированное старинное приветствие трудящемуся «*Бог в помощь*» путем замещения первого компонента усеченной лексемой «*ГОС*». Статья, содержащая данный прецедентный феномен, была посвящена разработке государственного контроля над корпорациями, боссы которых присваивают себе огромные суммы, полученные из бюджета в качестве помощи. Таким образом, мы можем наблюдать практически полное изменение смысла исходной цитаты;

– «*а был ли... молодой специалист?*» (АиФ, 2010, № 41) – трансформированное прецедентное высказывание с замещением последнего компонента восходит к широко известной цитате «*а был ли мальчик?*» из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Обычно употребляется как выражение сомнения в наличии какого-либо предмета, давшего повод для беспокойства. Газетная статья была посвящена правовому положению молодых специалистов в России, вопросу о том, существуют ли в законодательных документах

само понятие «молодой специалист» и какие характеристики оно предусматривает. Так как в статье указано, что в нынешнем трудовом законодательстве данного понятия не существует, то трансформированное прецедентное выражение употреблено очень удачно с точки зрения его первичного значения, чему также немало способствует неизменная иллокутивная вопросительная модальность. Более того, пример интересен тем, что многоточие в нем употреблено в новой функции – в качестве паузы перед видеоизмененным компонентом высказывания. Оно как бы побуждает адресанта восстановить исходный текст классической цитаты, усиливает экспрессивное воздействие на него, а вместе с замещенным словом порождает новый смысл и определяет диалогичность статьи. Данный прием частотен в среде массовых коммуникаций; он успешно используется журналистами именно в заголовках публицистических текстов. Наш пример не является исключением;

– «*хотели как лучше, а получилось... как у нас*» (АиФ, 2013, № 21) – восходит к крылатой фразе авторства В. Черномырдина «*хотели как лучше – получилось как всегда*». Сама фраза часто употребляется для обозначения действий, предполагающих положительные намерения, но либо не дающих никакого эффекта, либо приводящих к деструктивным или разрушительным последствиям. Безошибочно интерпретировать семантику трансформированного прецедентного текста помогает контекст ситуации: русскую девочку из неблагополучной семьи усыновил американец, оказавшийся педофилом. Несмотря на замену последнего компонента высказывания местоимением, смысл его, благодаря именно экспрессивному оттенку горькой иронии (разочарования, сожаления), остался полностью неизменным: «как у нас» = «как всегда», т. е. неудачно, неуспешно, неудовлетворительно. Вновь наблюдается употребление многоточия перед видеоизмененным компонентом цитаты с функцией апелляции к исходному тексту прецедента и привлечения внимания адресанта, как это уже было рассмотрено выше на примере фразы из романа М. Горького. Замена компонентов прецедентных текстов закрепляет его за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность высказывания, наполняет его новыми смысловыми оттенками, при этом исходное и производное выражения могут находиться в разных отношениях друг с другом;

2. Усечение компонентов. Предполагается, что при прочтении прецедентного высказывания читатель мысленно восстанавливает весь прецедентный феномен, договаривая мысль автора. Таким образом, осуществляется функция диалогичности текста. При этом типе трансформации Гудков отмечает 2 варианта:

а) Все прецедентные высказывания оказываются незаконченными:

– «*встречают по одежке*» (АиФ, 2010, №36) – исходный текст «*встречают по одежке, а провожают по уму*»);

– «*работа не волк*» (АиФ, 2011, №11) – исходный текст «*работа не волк – в лес не убежит*»);

– «*сегодня, к сожалению, много россиян живет по принципу “моя хата с краю...”*» (АиФ, 2013, №18) – исходный текст «*моя хата с краю – ничего не знаю*»;

– «*чья бы корова мычала!*» (АиФ, 2012, №7-8) – восходит к пословице «*чья бы корова мычала, а твоя бы молчала*» со значением «не тебе об этом судить»;

– «*прививка от ветрянки. Быть или не быть?*» (АиФ, 2010, № 6) – исходный текст отсылает нас к широко известной цитате Гамлета из пьесы Шекспира «Гамлет, принц датский» «*Быть или не быть? Вот в чем вопрос*». Характерно, что исходный текст именно этой цитаты явился наиболее частотным и наиболее изменяемым (по первому и второму типам трансформации). При этом высказывание всегда сохраняло иллокутивную модальность вопроса;

б) Усеченным является какой-либо из компонентов:

– «*...чиновницу, распродававшую земельные участки в заповеднике “Бородино” и неплохо на этом заработавшую, отдали под суд. Но я не слышала, чтобы ее посадили. Получилось как всегда?*» (АиФ, 2012, № 38) – исходная фраза авторства В. Черномырдина «*хотели как лучше – получилось как всегда*» в газетной статье претерпела трансформацию путем усечения первой части. Кроме того, ассертивная модальность высказывания изменяется на вопросительную. В ходе трансформации был реализован эмотивный потенциал: благодаря смене характера модальности текст приобретает смысловой оттенок разочарованности в справедливости правительства, а образовавшийся риторический вопрос достаточно эксплицитно выражает неразрешенность и актуальность ситуации.

Исходная черномырдинская цитата вообще очень частотна в средствах массовой информации и интересна тем, что, в зависимости от контекста, коммуникант может «разрывать» ее, т. е. употреблять либо одну часть предложения, либо вторую, как видно из следующего примера. В газетной статье выдвигалась гипотеза о том, что СССР развалили, ожидая после этого изменений к лучшему, но вместо этого получили катастрофу. Автор озаглавил текст *«Хотели как лучше»* (АиФ, 2012, № 8), т. е. использовал усечение второго компонента исходного прецедентного высказывания, не изменив при этом характер модальности, как было в первом примере;

3. Контаминация – соединение двух или нескольких прецедентных высказываний в одно. Под этим термином понимается также соединение в одном контексте прецедентных текстов, принадлежащих к различным культурным пластам [4, с. 32]. Подобное видоизменение структуры является достаточно редким. В исследуемом нами дискурсе российских газет удалось найти лишь несколько удачных примеров.

– *«Политика» – слово липкое. А если вообразить Совет Безопасности, собранный из литературных знаменитостей, что они сказали бы? Представитель Великобритании: «Весь мир – театр, и люди в нем актеры». Француз: «Мы в ответе за тех, кого приручили». А россиянин глянул бы сквозь пенсне снисходительным взглядом и произнес: «Если в первом акте на сцене висит ружье, в последнем оно должно выстрелить». Ружей, образно говоря, и атомных в том числе, нынче на сценах развешано до ужаса много»* (АиФ, 2011, № 13). В данном высказывании соединены три прецедентных текста из разных национальных культурных памятников: во-первых, фраза *«весь мир – театр, и люди в нем актеры»*. Авторство данной фразы традиционно приписывается Шекспиру, но в действительности она была взята им из сочинений римского писателя Гая Петрония и позже использована в комедии *«Как вам это понравится»*. Во-вторых, цитата из повести Сент-Экзюпери *«Маленький принц»*, и, в-третьих, реплика Чехова о природе сценического действия. Цитаты использованы в тексте в полном виде и не подвергались каким-либо еще трансформациям;

– *«Принято считать, что в России две беды: плохие дороги и дураки. Но что хуже? К плохим дорогам россияне как-то приунылись. В любой деревне найдется свой Левша, который приладит на место оторвавшееся колесо. А вот как быть с дураками?»* (АиФ, 2011, № 44). В высказывании приведена мысль о двух бедах России, доподлинное авторство которой не установлено (ее приписывают Н. В. Гоголю, Н. М. Карамзину, а иногда Николаю I), и прозвище главного героя из повести Н. С. Лескова *«Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»*, которым принято называть талантливых умельцев;

– *«Кто мы: граждане или подданные? Начальство говорит, что растит для народа капитализм с хорошим социальным лицом. Но мы не знаем, какую гримасу это лицо сделает после 2012-го. Мы громко стучимся в Европу. Но спросите человека в Миценке или в Великом Устюге: «А при каком строе ты, батенька, живешь? Какой европейской свинье наш российский гусь годится в товарищи?» Так он, бедолага, и не найдет что сказать. Разве что вспомнит про «птицу-тройку»: «Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?»* (АиФ, 2011, № 11). Текст содержит два прецедентных высказывания: пословицу *«гусь свинье не товарищ»*, трансформированную путем добавления новых компонентов, и знаменитую цитату из *«Мертвых душ»* Н. В. Гоголя о Руси – птице-тройке;

4. Добавление (расширение состава) – к исходной единице добавляется несколько новых компонентов, на которые и падает основная смысловая нагрузка. В результате данной модификации актуализируются семантические поля, способствующие пониманию смысла текста в целом:

– *«Все лучшее – детям чиновников?»* (АиФ, 2011, № 20) – трансформированный путем добавления еще одной лексемы лозунг советских времен *«все лучшее – детям»*. В статье поднимается вопрос о том, нормально ли, что родители-чиновники устраивают своих детей в госструктуры. Сменившаяся с утвердительной на вопросительную модальность указывает, во-первых, на неразрешенную ситуацию, а во-вторых, образует риторический вопрос с подоплекой того, что без влиятельных родителей ребенок из среднестатистической российской семьи ввиду не самого благоприятного социально-политического клима-

та вряд ли сможет получить то пресловутое «лучшее»: в контексте статьи – прибыльное рабочее место в госструктурах;

– «*Бен уже не Ладен, а вот хитрого Умарова пока можно еще воспринимать, как Доку*» (АиФ, 2011, № 19) – к имени «Бен Ладен» были добавлены наречие времени *уже* и частица *не*. Имеет место игра слов: «*Ладен*» как имя человека и как краткое прилагательное от «*ладный*», т. е. 'хороший', 'качественный' (в контексте – «живой», «действующий», «опасный»). Благодаря контексту статьи, посвященной казни террориста, адресант сразу понимает, что имеется в виду факт уничтожения человека, его полное обезвреживание);

– «*Какой европейской свинье наш российский гусь годится в товарищи?*» (АиФ, 2011, № 11). К оригинальной русской поговорке «*гусь свинье не товарищ*» добавили несколько новых компонентов. Также имеет место модальность вопроса, преобразованная из модальности утверждения;

– «*Дела сердечные валерьянкой не вылечишь*» (АиФ, 2011, № 3). К устойчивой и широко известной фразе «*дела сердечные*», передающей семантику любовных отношений, симпатии, влечения, добавили словосочетание «*валерьянкой не вылечишь*», после чего смысл высказывания становится буквальным;

– «*<...> власть не слышит, “чей стон раздается” <...>*» (АиФ, 2011, № 16). У известной цитаты из стихотворения Н. Некрасова «*Размышления у парадного подъезда*» «*Вьдь на Волгу, чей стон раздается Над великою русской землей*» усечена вторая часть, но при этом прибавлена новая «*власть не слышит*». В целом, исходный отрывок полностью отражает современные реалии российской жизни, так как в статье говорится о раздражении россиян глухотой властей. Несмотря на то, что часть четверостишия с упоминанием бурлаков усечена, тем не менее, адресат распознает апелляцию к оригинальному тексту и проецирует свойства, стоящие за этим понятием (тяжелый низкооплачиваемый труд, неблагоприятные условия и образ жизни) на себя;

– «*Депутаты в преддверии смены вех торопливо принимают законы, которые не будут исполняться, а сенаторы умудряются существовать так, словно их нет! То ли воды в рот набрали, то ли денег...*» (АиФ, 2011, № 45). Фразеологизм «*воды в рот набрали*» дополнен частицей и новой лексемой. Подобных примеров было обнаружено немного, поэтому можно сделать вывод о том, что добавление компонента является наиболее редким способом преобразования прецедентных текстов.

Важно заметить, что при существующей классификации разные типы трансформации прецедентных феноменов способны сочетаться друг с другом, как-то:

– усечение с добавлением: «*<...> власть не слышит, “чей стон раздается” <...>*» (АиФ, 2011, № 16);

– замещение с усечением: «*батя в пекле*» (АиФ, 2011, № 20). Исходный текст фразеологизма – «*поперек батьки в пекло не лезь*». Батя – прозвище бессменного президента Беларуси. Усечены лексема «*поперек*» и «*не лезь*». Кроме того, имеет место как грамматическое замещение падежных окончаний (ср.: «*(поперек) батьки в пекло*» и «*батя в пекле*»), так и смена модальности побуждения на модальность утверждения, констатации факта. Семантика оригинального текста фразеологизма изменена полностью, поэтому верно интерпретировать данную статью помогает ее подзаголовок «*ой-ой-ой умирает “зайчик” мой*» – известная фраза из детской считалочки на выбывание, также являющаяся прецедентным текстом. В статье идет речь об экономическом и валютном кризисе в Беларуси. «*Зайчики*» – местные деньги, ранее выпускавшиеся с изображениями зайцев: «*“Зайчик” обвалился в один миг*».

В свою очередь, теоретически могут быть реализованы: контаминация с усечением, контаминация с добавлением и т. д.

Заключение

Итак, в связи с частотным использованием процедуры модификации прецедентных феноменов может возникнуть проблема их адекватного восприятия. Если адресату доступно только буквальное восприятие текста, содержащего прецедентное высказывание, то можно говорить о неадекватной интерпретации текста воспринимающим, о нарушении коммуникации, поскольку суть восприятия прецедентного высказывания заключается не в буквальном понимании лексического состава, а в ассоциациях, которые тот должен вызывать. Чтобы вызвать у реципиента ответную реакцию, иногда достаточно только опоры на

структуру цитаты, пословицы или крылатого выражения, так как формальное сходство, например, с пословицей вызывает необходимые ассоциации, подсказывает воспринимающему исходный вариант прецедентного текста. В этом случае прецедентный феномен повышает выразительность текста, наполняет его новыми смысловыми оттенками, при этом исходное и производное выражения могут находиться в разных отношениях друг с другом: синонимических, паронимических, но чаще – антонимических. Трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны. Включение таких единиц способствует диалогизации текста и эксплицитно или имплицитно выражает оценку, что и было продемонстрировано нами на примерах из газетного дискурса.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
2. Дускаева Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2004. – 112 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Радбиль Т. Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира / Т. Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Межвузовский сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 1999. – С. 26 – 35.

OPERATION OF INTERTEXTUALITY IN MODERN JOURNALISTIC DISCOURSE. TRANSFORMATION OF PRECEDENT PHENOMENA

A. V. Orekhov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
opexoff88@mail.ru*

The article deals with problem of dialogic between a communicator and an addressee in journalistic discourse, as well as features of transformation of precedent phenomena and their manifestation in modern publicism. It examines the ways of actualization of category of dialogic of journalistic text and types of transformation of precedent phenomena.

Keywords: intertextuality, journalistic discourse, transformation, precedent phenomenon, dialogization.